

УДК 821.112.2

ОБРАЗ МИРОВОГО ГОРОДА В НОВЕЛЛЕ В. БРЮСОВА «РЕСПУБЛИКА ЮЖНОГО КРЕСТА»

Н.В. Ковтун (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье анализируются поэтика утопического метажанра, специфика его реализации в литературе Серебряного века, отмеченной особым интересом к утопическим проектам. Важно показать своеобразие путей и способов трансформации утопии начала XX в., когда искусство, культура в целом захвачены идеей глобального преобразования человека и мира. Творчество В. Брюсова в высшей степени показательное в данном контексте. Его новелла «Республика Южного Креста» (1905) отразила слом утопической парадигмы, автор придерживается *игровой стратегии*, когда слово утрачивает былой авторитет, перестает восприниматься в безусловном соответствии с истиной, что разрушает каноны метажанра. Мировой город (фаланстер) отмечен всеми атрибутами технического совершенства, изобилия, полностью подконтролен воле Благодетелей. Всеохватывающая регламентация жизни, невозможность любых проявлений своеволия приводят к сбою биологической программы, *болезнь противоречия* знаменует пробуждение подавленного и забытого «первородного инстинкта», в людях просыпается дикий человек. И эти варвары, дикари оказываются сильнее просвещенного государства, свидетельствуют о бесполезности всех разумных методов управления и подавления, о чем предупреждал еще Ф. Достоевский.

Обзор научной литературы по проблеме. Утопия/антиутопия постоянно соскальзывает в смежные области знания, трактуется как общеинтеллектуальный дискурс, содержание которого выявляется через противостояние некой совокупности приемов, тематизируемой понятиями «миф» (Ф. Кесседи, Ж. Сорель, Р. Рюйе, Н. Фрай), «эсхатология» (М. Бубер, Ж. Дюво, К. Поппер, А. Свентоховский), «идеология» (К. Мангейм, Г. Барт, Р. Рюйе, Н. Фрай), интенции, присущей человеческому сознанию в качестве мечты (Э. Блох, Х. Ортега-и-Гассет, П. Тиллих, А. Нойзюсс). Утопические проекты Серебряного века рассматривали Б.Ф. Егоров, Л.А. Колобаева, В.Е. Хализев, О.А. Павлова, А.Е. Ануфриев, И. Калинин и др.

Цель предпринятого исследования – анализ поэтики утопического рассказа В. Брюсова «Республика Южного Креста», его эстетических особенностей, специфики положения в отечественной утопической парадигме.

Методология. В работе использован системный подход к явлениям литературы, предполагающий взаимодействие историко-литературного принципа со структурно-типологическим.

Результаты исследования. Утопия и антиутопия рассматриваются как единый метажанр. Утопизм суть неизбежное свойство общественного сознания, проявляющее себя во время организации людей в союзы, группы, движения, увлечения идеей лучшего Будущего. В. Брюсов наследует линии *интеллектуальной утопии*, демонстрирующей технические чудеса цивилизации грядущего. Когда регламентация жизни в Мировом городе достигает высочайшего уровня, сбой происходит в биологической программе, общество утрачивает флер культуры, превращаясь в толпу варваров. Утопия перерождается в *антиутопию*, состоящую в пародийных, иронических отношениях с первожанром.

Выводы. Позиции (анти)утопии в истории отечественной культуры неизменны. В. Брюсов демонстрирует равновеликость рационалистического, интеллектуального и мистического способов познания бытия, вечность противоборства «добра» (духа) и зла (материи), составляющих основу мироздания.

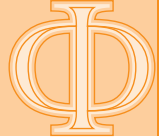
Ключевые слова: утопия, антиутопия, Серебряный век, гностицизм, В. Брюсов, Республика Южного Креста.

Постановка проблемы. Литература Серебряного века отличается особым интересом к утопическому метажанру. Причем одни и те же авторы с равным успехом пишут и утопию, и антиутопию, «что является прямым отражением противоречивого политического, общественного и литературного контекста эпохи» [Воробьева, 2006, с. 45]. Творчество В. Брюсова в высшей степени показательно в данной парадигме. Специалисты подчеркивают особый интерес автора к «сфере воображаемого», к категории мечты, что и реализовывалось в текстах о Будущем Земли, где властвуют машины, человечество же ущемлено в своих прежних возможностях, вытеснено в странный, насквозь искусственный, почти призрачный мир.

Иное, иллюзорное пространство при всем его кажущемся бытовом комфорте (отсутствие тяжелого физического труда, доступность развлечений, изобилие) оказывается *отчужденным* от человека, враждебным ему. Герои утопических рассказов Брюсова впадают в состояние потерянности, не могут привести свое существование в соответствие с вывернутым, обманчивым миром, что и демонстрирует новелла «Республика Южного Креста». Текст впервые опубликован в журнале «Весы» (1905, № 12), связывается с утопическим метажанром, включает элементы фантастики (сюжетность, динамизм). Рассказ имеет подзаголовок – «Статья в специальном № “Северо-Европейском Вечернем Вестнике”», что должно подчеркнуть *подлинность* повествования. Нам важно отметить, – произведение знаменует слом отечественной утопической парадигмы, автор придерживается *игровой стратегии*, когда слово утрачивает былой авторитет, перестает восприниматься в безусловном соответствии с истиной, что разрушает каноны метажанра [Морсон, 1991, с. 233].

В основе утопического подхода к реальности – совокупность приемов и методов мышления, в ходе реализации которых формируется утопический текст. Важнейшая особенность утопического сознания и заключается, видимо, в онтологизации знания, постулировании идеального как безусловного и креативного, что исключает всякую возможность критического восприятия, в том числе самого творца и протагониста утопии. К. Манхейм определяет утопию как категорию, описывающую «всякое мышление, стимулируемое не реалиями, а моделями и символами» («Идеология и утопия»). Утопическое сознание «отворачивается от всего того, что может поколебать его веру или парализовать его желание изменить порядок вещей» [Манхейм, 1994, с. 41]. «Внетекстовая реальность» переводится в текст утопии по принципу соответствия избранной автором идее «наилучшего общественного устройства». Идеал, освоенный на языке художественных образов, воздействует на сознание читателей, вызывает их волнение, сочувствие, симпатии/антипатии.

«Позитивные», с точки зрения творца, моменты реальности, взятые в своей отдельности и целостности, становятся строительным материалом для «лучшего из миров», который принципиально оппозиционен существующему. Единство художественной утопии обеспечивается единством эстетического видения, художественно-философской интуицией ее создателя, пафосом. Автор утопии

убежден, что будущее можно преобразить, вооружив настоящее каким-либо проектом, отличным своим совершенством, гармоничностью, красотой, безупречной логикой. Отсюда же мессианские претензии утопии, ее пророческий монологизм, тотальный характер, однако любая утопия не является чем-то совершенно произвольным, «утопические ценности» опосредованы уровнем развития общества, приоритетом социальных потребностей, жизненным опытом автора... Э. Блох указывает на важнейшую функцию утопии в обществе как функцию зеркала слишком знакомой реальности [Блох, 1997].

В итоге утопия представляется «каким-то пороговым явлением» [Латынина, 1989, с. 178], она постоянно стремится к аннексии смежных областей: с одной стороны, объединяет в тексте, картине мира различные типы мирообразов и способы словесного моделирования мира (пастораль, поучение, панегирик, исповедь), к которым восходит поэтика данного вида литературного жанра; с другой – вторгается в область идеала и идеального. Размышления об идеале и утопия стали рассматриваться как синонимы [Negley, 1978]. Из принципа, способствующего самосовершенствованию общества, идеал превращается в реальную цель, венчающую конкретную деятельность. Утописту необходимо представить свою фантазию как имеющую перспективу осуществления в будущем. Идеализация же, присущая «высоким» жанрам прошлого (греческая автобиография, эпопея), «официальна» (М.М. Бахтин), связана с ценностями абсолютного прошлого, принципиально дистанцированного от профанного настоящего, которое становится объектом изображения «низких» жанров. Классическую утопию отличает особая сакрализация материального мира, собственных вождей-преобразователей, истории, «утопия возникает только там, где возникает вертикальное смысловое измерение, второй план. В противном случае описание будет восприниматься как “земное” с идеализирующим началом» [Гончаров, 1990, с. 42].

Обзор научной литературы по проблеме. Утопию/антиутопию все чаще трактуют как общеинтеллектуальный дискурс, содержание которого выявляется через противостояние некой совокупности приемов, тематизируемой понятиями «миф» (Ф. Кесседи, Ж. Сорель, Р. Рюйе, Н. Фрай), «эсхатология» (М. Бубер, Ж. Дюво, К. Поппер, А. Свентоховский), «идеология» (К. Мангейм, Г. Барт, Р. Рюйе, Н. Фрай). Особенно стоит указать на трактовку утопии как интенции, имманентной человеческому сознанию в качестве мечты, желания (Э. Блох, Х. Ортега-и-Гассет, П. Тиллих, А. Нойзюсс). Из значимых для нас работ следует отметить концепцию Б. Гройса, где утопия рассматривается как способ преодоления границы между искусством и жизнью, «культурным архивом» и «текущим моментом», а также французских исследователей Л. Геллера и М. Нике. Утопические проекты Серебряного века рассматривали в своих работах Б.Ф. Егоров, Л.А. Колобаева, В.Е. Хализев, О.А. Павлова, А.Е. Ануфриев, И. Калинин и др.

Цель предпринятого исследования – анализ поэтики утопического рассказа В. Брюсова «Республика Южного Креста», его эстетических особенностей, специфики положения в отечественной утопической парадигме.

Методология. В работе использован системный подход к явлениям литературы, предполагающий взаимодействие историко-литературного принципа со структурно-типологическим.

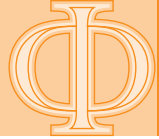
Результаты исследования и обсуждение

Человек эпохи модерна. Культура модернизма очевидно тяготеет к иному образу бытия, человека, чем тот, который прививала классика. Открытие диффузного, незавершенного, вариативного мира и личности, занятой самопознанием, сдвигает привычные ориентиры [Ковтун, 2025, с. 39–71]. В свете открытий «позитивных наук» начала XX в. мир предстает значительно более сложным, загадочным, многомерным, его целостное описание становится едва ли возможным. В центре внимания оказывается больной, психически неуравновешенный, «маленький человек», далекий от идеи «деятельной», непосредственной переделки социума – от утопии «реконструкции», он озабочен тайнами собственной души. «Человек модернизма формируется в историческом контексте, отмеченном достижениями психологии и психиатрии в изучении сновидений, гипноза, “природы страстей”, памяти, воображения» [Грякалова, 2008, с. 13], интерес притягивает табуированное, запретное: тайные страхи, фобии, интимная жизнь. Потаенное, ранее отринутое выдвигается в центр культурной парадигмы [Лотман, 1992].

Просветление мира связывают с преображением внутреннего состояния личности, инструмент мистического постижения – творчество, искусство. «Художник в такой перспективе выступает *раз-облачителем* – “патологоанатомом”, психоаналитиком, вскрывающим “изнанку жизни”, ее деструктивное начало (“злую природу”, подсознание, инстинкт) и показывающим ее содержание» [Грякалова, 2008, с. 24]. Значимость художественного произведения – в передаче тончайших, сокровенных переливов души (и как Души мира), находящейся в постоянном становлении. Многомерность, сложность, ассоциативность построения текста, вариативность его трактовки, игра культурными кодами приобретают особую ценность, одновременно слово автора перестает восприниматься в однозначном соответствии с «истиной», что безусловно для классической утопии.

Ситуацию «духовного перекрестка», в котором оказалось общество рубежа XIX–XX вв., отражают и попытки *модернизации религии* (Л. Толстой, Ф. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. Федоров), проекты мистического постижения мира (утопии «бегства») выдвигаются писателями наравне с крупными философами. Литератор как прорицатель *Другого* бытия, лишённого прежней гармонии, вольно или невольно оказывается в оппозиции к Творцу, что в известной мере отразили прогностические увлечения художников Серебряного века, их замороженность проблемой зла [Богомолов, 1999].

Утопические идеи и образы в прозе В. Брюсова. Произведения В. Брюсова, маркированные утопическими интенциями (драма «Земля» 1904, новелла «Республика Южного Креста», незаконченный роман «Семь земных соблазнов», 1911) отражают произошедшие изменения художественной парадигмы, традиционные утопические идеи, сюжеты, образы предстают здесь как *результат*

стилизации. Тема Мирового города, его технических возможностей, своеобразной красоты: залитые огнями улицы, большие дома, красочные витрины – одна из ведущих в творчестве писателя конца 1890 – начала 1990-х гг.: поэтические циклы «В стенах», «Картины», «В городе», поэмы «Замкнутые», «Конь блед». Испытывая особый интерес к техническому совершенству цивилизационного бытия, автор стремится отразить и противоречивость внутреннего мира обывателей мегаполисов. Рациональная картина грядущего потеснена бытовыми зарисовками, описанием мистических предчувствий и апокалипсических видений. В поэме «Конь блед» над городскими улицами, людским потоком возникает посланник иного мира – огнеликий всадник Смерть, но преобразования не происходит, люди спешат по будничным делам. В попытке дать логическое обоснование иррациональным вещам поэт наследует опыту князя В.Ф. Одоевского, автора технократической утопии «4338-й год» [Ковтун, 2004, с. 179–183].

В новелле «Республика Южного Креста» за летописью событий настоящего, четкостью дат, именами конкретных участников драмы угадывается код апокалипсиса. Государство расположено на Южном полюсе, образовано из треста сталелитейных заводов, и пятнадцать мировых держав признают его статус. Кроме того, в тексте отражено знаковое историческое событие – Байер Иоганн Якоб открыл созвездие Южного Креста (Crux), имеющее принципиальное значение для Южного полушария, подобно тому, как Полярная звезда для Северного.

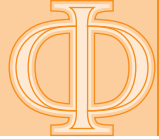
Автор старается запечатлеть все нюансы жизни в Звездном городе – столице Республики, передать мельчайшие детали трагедии, настигшей его обитателей, но терпит полное фиаско. История иллюзорна, парадоксальна, и никакие факты, документы, свидетельства не могут служить гарантией того, что нам доступна подлинная природа вещей – истина. Словесность Серебряного века, захваченная интересом к темным сторонам мироздания, бездне, пронизана эсхатологическими предчувствиями. Техническое совершенство культуры грядущего не способствует, по В. Брюсову, разрешению социальных и психологических конфликтов в обществе, напротив, противоречие между нарастающими темпами прогресса, жесткой регламентацией жизни и бытием отдельного человека, не умеющего освоиться в изменившемся мире, приводит к катастрофе.

В поэме «Замкнутые» герой, одиноко живущий в «старинном и суровом» городе, прозревает «грядущий Город-дом» «Чудовищем размеренно-громдным / С стеклянным черепом, покрывшим шар земной». Традиционный для утопии мотив города-сада, фаланстера с огромным стеклянным куполом приобретает трагическое звучание: город явлен мертвецом («стеклянный череп»), «замкнутые», обреченные в своих домах люди-«рабы» несут в мир ужас, ненависть, которые неминуемо приведут к бунту: «Борьба, как ярый вихрь, промчится во вселенной / И в бешенстве сметет, как травы, города» (Брюсов, 1973, с. 265–266). Прежний энтропийный мир приговорен, древние книги, статуи никому не нужны, для героя они – разновидность цепей рабства – не источники мудрости. Мотивы скифского вихря, «грядущих гуннов», несущих Возмездие дряхлой цивилизации, магистральные для литературы рубежа XIX–XX вв. в целом [Ковтун, 2024, с. 40–61].

Особенности наррации в «Республике Южного Креста». Кризис капиталистического уклада, деконструкция мифов рациональной техногенной цивилизации – ключевые мотивы и в «Республике Южного Креста». Автор, захваченный поиском новых средств и способов самовыражения, обращается к опыту Ф. Достоевского, Г. Уэллса, Э. По, намеренно подчеркивает собственную ориентацию на «чужое слово» [Гречишкин, Лавров, 1983, с. 7–8]. Текст утрачивает возможность однозначного толкования, разрушается единство означающего и означаемого (слова и замысла), что ставит под сомнение обретение истины, сам принцип создания Утопии. В новелле В. Брюсова утопический сюжет сознательно камуфлируется (в антиутопии, напротив, разоблачается), отношение к нему выносится за рамки текста в область интертекстуальной игры [Калинин, 2002, с. 152–167].

Повествование ведется от лица героя-журналиста, собирающего материал для специального выпуска газеты, посвященного истории утопической Республики и поразившей ее катастрофе – эпидемии психического расстройства – *mania contradicens*, когда люди противоречат самим себе. Вся «правда» о событиях излагается нарратором с чужих слов, со слов очевидцев, которые «были поражены психическим расстройством», одновременно повествователь ссылается и на документальные свидетельства произошедшего, настаивает на их подлинности, убедительности: распоряжения и телеграммы правительства, местные газетные заметки, дневник Начальника города – Ораса Девиля (прием «истории рукописи»). По ходу развития сюжета выясняется, однако, что журналисты и наборщики, оставшиеся в городе, не избежали общей участи, поражены сумасшествием. Первые сообщения о болезни в прессе носят характер анекдотов, шуток (именно с шутки, несовпадения слова и значения начинается гибель «земного рая» в новелле «Сон смешного человека» Ф. Достоевского). Остраненность и отчужденность позиции рассказчика, который едва успевает фиксировать разноречивые факты, но не судить о них, усиливает ощущение хаотичности, иллюзорности описываемого мира. Автор, характеризуя героя-повествователя как «малосведущего, ко всему довольно равнодушного, но старающегося щегольнуть научными познаниями и выказать много чувств» [Гречишкин, Лавров, 1983, с. 9], демонстрирует *остранненность*, собственную отдельность ему.

Образ утопической Республики. Новеллу открывает сатирическое описание законов современной демократии, призрачности всех гражданских свобод. В тексте представлен полный цикл истории Мирового города – от момента его основания сорок лет тому назад (знаковая дата) до гибели. Прошлой Республики, расположенной на материке Антарктида, дано ретроспективно. Идеальное государство, состоящее из сети развитых промышленных городов (в структуре утопических государств число семь символизирует космическую гармонию [Ямпольский, 2007, с. 231–237]), защищено от любых внешних воздействий вечной мерзлотой (отграничение и удаление избранного пространства от «грешных земель» – традиционный утопический прием).

Республика имеет свою конституцию, которая «казалась осуществлением крайнего народовластия» (Брюсов, 1989, с. 71). И уже в этой формулировке задан *мотив недоверия, иронии*, что подчеркивает слово «казалась». Столица государства – Звездный город – поражает жесткой логикой планирования и роскошью убранства. «В той воображаемой точке, где проходит земная ось и сходятся все земные меридианы, стояло здание городской ратуши, и острие ее шпиля, подымавшегося над городской крышей, было направлено к небесному надиру» (Брюсов, 1989, с. 73–74). Это абсолютный верх, пуповина земли, что свидетельствует о глобальном масштабе утопической картины. Шпиль городской ратуши, «направленный прямо к небесному надиру», пересекает в воображаемой точке все земные меридианы, являет образ Распятия, символизирует вызов Божественной воле.

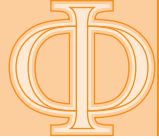
Мир узнает о событиях в Республике ровно столько, сколько сочтут нужным Благодетели – директора треста сталелитейных заводов. Даже время здесь подлежит жесткому контролю, практически отменено: «Обозначая время, автор указывает лишь день и месяц, без отсылки к году» [Ильина, 2017, с. 96]. Образ Антарктиды появляется не случайно и отсылает к идеальной стране основоположника русской интеллектуальной утопии – Офиру князя М.М. Щербатова, – открытой на Южном полюсе, содержит указание на общечеловеческий масштаб описываемых событий. Быт обитателей Республики поражает роскошью, праздничностью, вызывая зависть населения Земли. К услугам горожан аэростаты, «летательные машины», «подвесные электрические дороги» (Брюсов, 1989, с. 77), в городах искусственное освещение и тепло круглый год. В соответствии с утопической традицией рассказчик подчеркивает – созданный «земной рай» есть плод усилий человеческого разума. Мировой город построен в исключительных природных условиях, вместо небесной выси взгляды насельников встречает огромный искусственный купол «с могучими вентиляторами для постоянного обмена воздуха».

Внутреннее устройство города-государства соответствует утопическому канону: представляет собой форму круга, улицы расходятся по меридианам от избранного центра – ратуши, «высота всех строений и внешность построек одинаковы», дома не имеют окон, но щедро освещаются изнутри электричеством. Заводские порты открыты круглогодично. Образ Республики развернут и в сторону *идеи фаланстера*, модель которого актуальна в русской интеллектуальной утопии [Ковтун, 2011, р. 1045–1057]. В древних культурах круг в центре с крестом (повторенный в карте Республики) символизирует счастье, самую жизнь. Такой крест в первом веке до нашей эры украшал ряд иудейских могил как знак призвания Бога и защиты от эсхатологических предчувствий [Большой путеводитель..., 1993, с. 260]. Идеальное прошлое человечества просвечивает сквозь ткань настоящего и остается недостижимым, непонятым. Люди в утопическом государстве и не догадываются о том содержании, которое с ними связано.

Быт обитателей Республики четко размерен и подконтролен правительству, чему служит целая армия соглядатаев, доносчиков. Такая форма поддержания порядка приветствовалась авторами классических утопий: Т. Мором, Т. Кампанеллой, Ф. Бэконом. У всех в утопическом государстве единый распорядок дня, с определенного часа запрещено выходить на улицы, регламентированы вкус, мода, развлечения и даже пороки. Рабочие заняты на предприятиях несколько часов, их труд легок, остается довольно времени на концерты, театры, выставки, организованные лучшими представителями творческих профессий, приглашенными извне. При условии постоянного места жительства на материке насельники получают богатые пенсии, превращаются в государственных рантье. Уровень благосостояния обитателей мегаполисов прямо пропорционален утрате ими личных прав и свобод, никто не знает искреннего чувства, привязанностей, вкусовых предпочтений, отсутствует зарплата – государство обеспечивает всем, что считает необходимым. Описание бытия Республики, таким образом, до деталей вписывается в тоталитарную модель, известную по антиутопиям XX в., начиная с «Мы» Е. Замятина, лишней раз свидетельствует страшные последствия идеи Великого Инквизитора, поставленной на службу Единого Государства.

Театральность, вывернутость бытия в Республике подчеркивается автором через метафоры *слепоты* (дома без окон), *холода* (смысл бытия рабочих – добыча металла, окружает Республику вечная мерзлота, повсюду искусственные свет и тепло) и *балагана* (вместо неба – цирковой купол). Смех разрушает утопический мир, утопия мигрирует в антиутопию [Ковтун, Ларина, 2019, с. 33–45]. Благотельники Республики выполняют традиционные функции романтических *кукловодов*, государственная жизнь являет собой жестко размеренное маскарадное действо. Мотив кукольности, восходящий к поэтике Гофмана, один из важнейших в тексте. «Другой чертой гофмановского комплекса, нашедшей продолжение у Брюсова, является проблема механизации жизни и человека, которая основана на идее утраты духовности обществом, падении его нравов и проявляется в оппозиции живое – не живое. Брюсов изображает общество погрязшим в пороке» [Королева, 2019, с. 115]. В известной мере эту коллизию (человек – марионетка – зверь) воплотит В. Маканин в знаменитой антиутопии «Лаз».

Совет директоров, контролируя мировую экономику, подчинив себе все население страны, практически не соприкасается с народом. Деятельность Законодательной Палаты Республики формальна, любые сомнения в праведности власти беспощадно караются: «В случае неуклонной агитации отдельных лиц Совет не брезговал политическим убийством», однако в массе своей рабочие и не помышляют о протесте, не имеют ни малейшего желания самоидентификации, самоопределения, оставаясь покорными воле кукловодов. Жизнь государства, заполненная праздниками и зрелищами, является «предметом зависти всей земли». Разразившаяся катастрофа – «мания противоречия» – авторский прием, при помощи которого травестируется не столько образ утопической республики, сколько предшествующая художественная парадигма, строящаяся на абсолютном доверии

к слову, игровая природа которого обнажается (прием стилизации, пародии). «Так в круговороте катастроф и восстаний и мыслится Брюсовым будущее. Человеческие натуры тоже таят зверские инстинкты и как бы и созданы для катастроф и совсем не марксистских революций» [Егоров, 2007, с. 331].

Человек на обломках Утопии. Все составляющие утопической картины мира остраиваются: демократические свободы фиктивны, но в них и не нуждаются; государственная диктатура воспринимается народом как залог процветания: «Впрочем, вся страна, настолько была убеждена в благодетельности этой диктатуры, что наборщики сами отказывались набирать строки, критикующие Совет» (Брюсов, 1989, с. 76); технические чудеса явлены на фоне мертвой природы, «где дикие животные давно истреблены» (Брюсов, 1989, 74). По мере развития сюжета обитаемое пространство неуклонно сужается, из «зачумленного» города уезжают, улетают, бегут в ледяную пустыню, где погибают. Обезумевшие толпы разрушают дороги, захватывают улицу за улицей, на которых убивают, насилюют брошенных родителями детей – до слезинок младенцев никому нет дела. «Земной рай» превращается в «черный ящик», крематорий, Голгофу – в здании ратуши припасы рассчитаны на сорок дней, но воскресения не происходит, город погружается в абсолютный мрак, сумасшедшие веселятся у костров, «общая чаша ходит по кругу». В. Брюсов разворачивает картину рукотворного апокалипсиса, воплотившегося Царства Зла, из которого исход невозможен, что отражается в профанации библейских мотивов и образов: креста, пустыни, младенца (души), чаши евхаристии, чумы как наказания Господня.

Автор акцентирует разительное несоответствие между тем, как воспринимают свой мир обитатели Мирового города, видит его нарратор и читатель, при этом ни одна из точек зрения не признается убедительной. Граждане Республики принимают свое существование как данность, не удивляясь собственной не-свободе, хотя с точки зрения общепринятых моральных норм должны были бы удивиться, они даже не замечают исчезновение всех признаков человеческого бытия, но на это реагирует *онтология*. Всеохватывающая регламентация жизни, невозможность любых проявлений своеволия приводят к сбою биологической программы, болезнь знаменует пробуждение подавленного и забытого «первородного инстинкта», в людях «обнажился дикий человек, человек-зверь, каким он бывало рыскал по девственной земле» (Брюсов, 1989, с. 86). И эти варвары, дикари, изгои оказываются сильнее просвещенного государства, свидетельствуют бесполезность всех разумных методов управления и подавления.

Психическое расстройство, болезнь становится метафорой иных, альтернативных (не обязательно перспективных) форм мышления и моделей бытия. Человек не борется с властью, он перестает быть человеком, государство теряет подданных, становится банкротом. Сбрасывая с себя оковы деспотии, люди освобождаются и от всех достижений культуры: «Какие-то темные, атавистические чувства оживали в душах этих городских обитателей, и, полунагие, немые, нечесанные они плясали хороводами пляски своих отдаленных пращуров,

современников пещерных медведей, и пели те же дикие песни, как орды, нападающие с каменными топорами на мамонта» (Брюсов, 1989, с. 87). О хрупкости, ненадежности тонкого флера культуры, через который прорываются стихийные страсти, инстинкты, одним из первых скажет Ф. Достоевский. В. Брюсов то восхищается варварской мощью новой эпохи («Замкнутые», «Грядущим гуннам», 1905), то славит «мудрецов и поэтов» («Последние мученики», 1906), сохранивших волю и личное достоинство, не уступивших государственному принуждению.

Уважение повествователя, мировой общественности вызывают в новелле те, кто, несмотря на разгул жестокости, насилия – варварства, не отказался от выполнения человеческого долга (как долга перед государством), однако методы, которыми прославленный Орас Девиль сдерживает натиск толпы, ничем не отличаются от тех, что использует прежнее правительство. Фиаско власти, которая и призвана поддерживать порядок в Утопии, разрушает сами представления о норме, иерархии ценностей. Демонстрируя равную опасность для человека в его природной основе жесткой регламентации бытия (образ человека-куклы) и абсолютного, ничем не сдерживаемого своеволия (человек-зверь), нарратор отказывается от дальнейших прогнозов, предоставляя читателю, «будущему историку», самостоятельно анализировать события, что лишает текст дидактической направленности, обязательной для утопии.

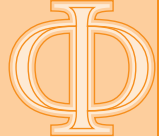
Заключение. Разрушенный город постепенно восстанавливают, прежними остаются все принципы организации государственной жизни, причины эпидемии, возможности борьбы с ней до конца не выяснены, что само по себе чревато новой катастрофой. Автор демонстрирует равновеликость рационалистического и мистического способов познания бытия, неизменность противоборства «добра» (духа) и зла (материи), составляющих основу мироздания. Гностическая по своей природе жажда освобождения от «зла материи» трагична, дьявольское, рационалистическое начало в художественном мире В. Брюсова обретает равный с божественным субстанциональный статус (отсюда единство красоты и смерти в образе города), что усиливает ощущение катастрофичности бытия.

Список источников

1. Брюсов В.Я. Избранная проза. М.: Современник, 1989.
2. Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 265–266.

Библиографический список

1. Блох Э. Тюбингенское введение в философию: пер. с нем. / вступ. ст. С.Е. Вершинина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. 394 с.
2. Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 549 с.
3. Большой путеводитель по Библии / пер. с нем. под общ. ред. Г. Габинского. М.: Рос. библ. об-во, 1993. 352 с.

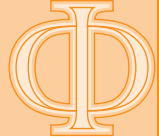

4. Воробьина А.Н. Русская антиутопия XX века в ближних и дальних контекстах. Самара: Изд-во Самар. Науч. центра РАН, 2006. 268 с.
5. Гончаров С.А. Мифологическая образность литературной утопии // Литература и фольклор. Вопросы поэтики: межвуз. сб. науч. тр. Волгоград, 1990. С. 39–48.
6. Гречишкин С.С., Лавров А.В. Брюсов-новеллист // Брюсов В.Я. Повести и рассказы. М., 1983. 368 с.
7. Грякалова Н.Ю. Человек модерна: Биография – рефлексия – письмо. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 382 с.
8. Егоров Б.Ф. Российские утопии. Исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПб, 2007. 416 с.
9. Ильина С.А. Антиутопический хронотоп в рассказе В.Я. Брюсова «Республика Южного Креста» // Аллея науки. 2017. Т. 1, № 14. С. 95–99.
10. Калинин И.А. «Республика Южного Креста» В.Я. Брюсова: утопия и интертекст // Ученые записки молодых филологов. СПб., 2002. № 1. С. 152–167.
11. Ковтун Н.В. «Гетеротопия усадьбы» в романе Ф. Гладкова «Цемент» // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: колл. монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 40–61.
12. Ковтун Н.В. Конец Истории и его проекции в современной культуре // Традиционализм и авангард в фокусе современной литературы. Сер.: Универсалии культуры: монография / отв. ред. Н. Ковтун. СПб.: Изд-во РХГА, 2025. Вып. XIV. С. 39–71.
13. Ковтун Н.В. Роман В.Ф. Одоевского «4338-й год» и традиции интеллектуальной утопии в России // Известия Томского политехнического университета, 2004. Т. 307, № 5. С. 179–183.
14. Ковтун Н.В. On the Ruins of the “Crystal Palace” or the Fate of Russian Utopia in the Classical Era (N.G. Chernyshevsky, F.M. Dostoevsky, M.E. Saltykov-Shchedrin) In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences*. 2011, 7 (4), 2011, 1045–1057.
15. Ковтун Н.В. Ларина М.В. Феномен карнавализации в романе Кристофа Рансмайра «Последний мир» // Сибирский филологический форум. 2019, № 2 (6). С. 33–45.
16. Королева В.В. «Гофмановский комплекс» в цикле рассказов и драматических сцен В.Я. Брюсова «Земная ось» (1901–1907) // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 3. С. 113–119.
17. Латынина Ю.В. В ожидании Золотого Века: от сказки к антиутопии // Октябрь. 1989. № 6. С. 177–187.
18. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 273 с.
19. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.

20. Морсон Г. Границы жанра // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы: пер. с разл. яз. / сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. М., 1991. 409 с.
21. Ямпольский М. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 610 с.
22. Negley, G. *Utopian Literature. A Bibliography: With a Supplementary Listing of Works Influential in Utopian Thought*. Lawrence: Regents Press of Kansas, 1978. 351 p.

Сведения об авторе

Ковтун Наталья Вадимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nkovtun@mail.ru

THE IMAGE OF THE WORLD CITY IN V. BRYUSOV'S SHORT STORY "REPUBLIC OF THE SOUTHERN CROSS"

N.V. Kovtun (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article analyzes the poetics of the utopian metagenre and the specifics of its implementation in literature of the Silver Age, which was marked by particular interest in utopian projects. It is essential to reveal the distinctive trajectories and mechanisms of utopian transformation at the turn of the 20th century, the period when art and culture as a whole were consumed by the idea of a radical reshaping of humanity and the world. V. Bryusov's work is highly indicative in this context. His short story "Republic of the Southern Cross" (1905) reflects the destruction of utopian paradigm. The author adopts a ludic strategy, which causes the loss of word's former authority and ceases to be perceived as unconditionally corresponding to truth, thereby breaking the conventions of the metagenre. The World City (phalanstery) possesses every attribute of technological perfection and abundance, and is entirely subject to the will of the Benefactors. Total regulation of life and the complete suppression of any individuality lead to a failure in the biological program. The sickness of contradiction signals the awakening of a repressed and forgotten "primal instinct"; the wild man stirs within the populace. And these barbarians, these savages, prove stronger than the enlightened state, demonstrating the futility of all rational methods of governance and suppression, which has already been mentioned by F. Dostoevsky.

The purpose of this study is to analyze the poetics of V. Bryusov's utopian short story "Republic of the Southern Cross", aesthetic features, and the specific position within the Russian utopian paradigm.

Review of the scientific literature. Utopia/dystopia is increasingly interpreted as a general intellectual discourse, the content of the discourse is revealed through the opposition of a certain set of devices, thematized by such concepts as "myth" (F. Kessedj, G. Sorel, R. Ruyer, N. Frye), "eschatology" (M. Buber, G. Duvaut, K. Popper, A. Swietochowski), and "ideology" (K. Mannheim, G. Barth, R. Ruyer, N. Frye). It should be particularly emphasized, that utopia can be interpreted as an intention immanent to human consciousness in the form of a dream or desire (E. Bloch, H. Ortega y Gasset, P. Tillich, A. Neususs). Having analyzed the works significant for our research, we should make the specific emphasis on the concept of B. Groys. He considers utopia as a means of overcoming the boundary between art and life, between the "cultural archive" and the "present moment," as well as the contributions of the French scholars L. Geller and M. Nike. The utopian projects of the Silver Age have been considered by B.F. Egorov, L.A. Kolobaeva, V.E. Khalizev, O.A. Pavlova, A.E. Anufriev, I. Kalinin, and others.

Methodology. The systematic approach has been applied to literary phenomena, which involves the interplay between the historical-literary principle and the structural-typological one.

Research results. Utopia and dystopia are studied as a unified metagenre. Utopia is an ineradicable property of social consciousness, manifesting itself whenever people are organized into unions, groups, or movements driven by the idea of a better future. V. Bryusov follows the intellectual utopian tradition, which displays the technological marvels of the civilization to come. When life in the World City becomes regulated to its utmost extreme, a breakdown in the biological program occurs; society sheds the patina of culture and degenerates into a mob of barbarians. Utopia evolves into dystopia, the latter being defined by its parodic and ironic relationship with the primary genre.

Conclusions. The role of (anti)utopia in the history of Russian culture has remained constant. V. Bryusov demonstrates the equal importance of rationalistic, intellectual, and mystical ways of knowing existence, as well as the eternal confrontation between "good" (spirit) and evil (matter), which constitute the foundation of the universe.

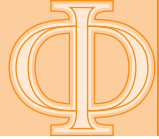
Keywords: *utopia, dystopia, Silver Age of the Russian prose, Gnosticism, V. Bryusov, Republic of the Southern Cross.*

List of sources

1. Briusov, V.Ya. *Sobr. soch.: v 7 t. [Collected Works: In 7 Volumes.]*. Moscow, 1973, 1, 265–266.
2. Briusov, V.Ya. *Izbrannaia proza [Selected Prose]*. Moscow, Sovremennik, 1989.

References

1. Blokh, E. *Tyubingenskoe vvedenie v filosofiui: per. s nem. / vstup. st. S.E. Vershinina [Tubingen Introduction to Philosophy: Translated from German / Introductory Article by S.E. Vershinin]*. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 1997. 394 p.
2. Bogomolov, N.A. *Russkaia literatura nachala XX veka i okkul'tizm. Issledovaniia i materialy [Russian Literature of the Early 20th Century and Occultism. Studies and Materials]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. 549 p.
3. Bolshoi putevoditel po Biblii: Per. s nem. pod obshchei red. G. Gabinskogo [The Great Guide to the Bible: Translated from German under the general editorship of G. Gabinsky]. Moscow, Ros. bibl. o-vo, 1993. 352 p.
4. Vorobeva, A.N. *Russkaia antidotopiia XX veka v blizhnikh i dal'nikh kontekstakh [Russian Anti-Utopia of the 20th Century in Near and Far Contexts]*. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 2006. 268 p.
5. Goncharov, S.A. Mitologicheskaiia obraznost' literaturnoi utopii [Mythological Imagery of Literary Utopia]. *Literatura i fol'klor. Voprosy poetiki: Mezhvuz. sb. nauch. tr. [Literature and Folklore. Questions of Poetics: Interuniversity Collection of Scientific Works]*, Volgograd, 1990. 39–48 p.
6. Grechishkin S.S., Lavrov A.V. Briusov-novellist [Bryusov as a Short Story Writer]. In: *Briusov V.Ya. Povesti i rasskazy [Bryusov V.Ya. Novellas and Short Stories]*, Moscow, 1983. 368 p.
7. Gryakalova, N.Yu. *Chelovek moderna: Biografiia – refleksii – pis'mo [Modern Man: Biography – Reflection – Writing]*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2008. 382 p.
8. Egorov, B.F. *Rossiiskii utopii. Istoricheskii putevoditel' [Russian Utopias. A Historical Guide]*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb, 2007. 416 p.
9. Ilina, S.A. Antitopicheskii khronotop v rasskaze V. Ia. Briusova “Respublika Iuzhnogo Kresta” [Anti-Utopian Chronotope in V. Ya. Bryusov's Story “Republic of the Southern Cross”]. In: *Alleia nauki [Alley of Science]*, 2017, 1 (14), 95–99.
10. Kalinin, I.A. “Respublika Iuzhnogo Kresta” V.Ia. Briusova: utopiia i intertekst” [“Republic of the Southern Cross” by V.Ya. Bryusov: Utopia and Intertext]. In: *Uchenye zapiski molodykh filologov [Scientific Notes of Young Philologists]*, St. Petersburg, 2002, 1, 152–167.

11. Kovtun, N.V. “Geterotopiia usadby” v romane F. Gladkova “Tsement” [“Heterotopia of the Estate” in F. Gladkov’s Novel “Cement”]. In: *Usad’ba i dacha v literature sovetskoi epokhi: poteri i obreteniia: kollektivnaia monografiia / sost. O.A. Bogdanova; otv. red. V.G. Andreeva, O. A. Bogdanova [Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains: Collective Monograph / Compiled by O.A. Bogdanova; Edited by V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova]*, Moscow, IMLI RAN (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences), 2024, 40–61.
12. Kovtun, N.V. Konets istorii i ego proektsii v sovremennoi kul’ture [The End of History and Its Projections in Contemporary Culture]. In: *Traditsionalizm i avangard v fokuse sovremennoi literatury: monografiia [Traditionalism and Avant-Garde in the Focus of Contemporary Literature: A Monograph]*. St. Petersburg, Russkaia khristianskaia humanitarnaia akademiia im. F.M. Dostoevskogo, 2025, 39–71.
13. Kovtun, N.V. Roman V.F. Odoevskogo “4338 god” i traditsii intellektual’noi utopii v Rossii [V.F. Odoevsky’s Novel “4338” and the Traditions of Intellectual Utopia in Russia]. In: *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta [Bulletin of Tomsk Polytechnic University]*, 2004, 307 (5), 179–183.
14. Kovtun, N.V. On the Ruins of the “Crystal Palace” or the Fate of Russian Utopia in the Classical Era (N.G. Chernyshevsky, F.M. Dostoevsky, M.E. Saltykov-Shchedrin) In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences*. 2011, 7 (4), 1045–1057.
15. Kovtun, N.V. Larina M. Fenomen karnavalizatsii v romane Kristofa Ransmajra “Poslednij mir” [The Phenomenon of Carnavalization in Christoph Ransmayr’s Novel “The Last World”]. In: *Sibirskij filologicheskij forum*, 2019, 2 (6), 33–45.
16. Koroleva, V.V. “Gofmanovskii kompleks” v tsikle rasskazov i dramaticheskikh stszen V.Ia. Briusova “Zemnaia os” (1901–1907) [“Hoffmannian Complex” in the Cycle of Stories and Dramatic Scenes by V.Ya. Bryusov “Earthly Axis” (1901–1907)]. In: *Vestnik kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kostroma State University]*, 2019, 25 (3), 113–119.
17. Latynina, Yu.V. ozhidanii Zolotogo Veka: ot skazki k antiutopii [Waiting for the Golden Age: From Fairy Tale to Anti-Utopia]. In: *Oktiabr [October]*, 1989, 6, 177–187.
18. Lotman, Yu.M. *Kultura i vzryv [Culture and Explosion]*. Moscow, Gnozis, 1992. 273 p.
19. Mankheim, K. *Diagnoz nashego vremeni [Diagnosis of Our Time]*. Moscow, Iurist, 1994. 700 p.
20. Morson, G. Granitsy zhanra [Boundaries of the Genre]. In: *Utopiia i utopicheskoe myshlenie: antologiiia zarubezhnoi literatury: Per. s razl. iaz. / Sost., obshch. red. i predislovie V.A. Chalikovoi [Utopia and Utopian Thinking: An Anthology of Foreign Literature: Translated from Various Languages / Compiled, edited and with a preface by V.A. Chalikova]*, Moscow, 1991. 409 p.

21. Yampolskii M. *Tkach i vizioner: Ocherki istorii reprezentatsii, ili O material'nom i ideal'nom v kulture* [*Weaver and Visionary: Essays on the History of Representation, or On the Material and Ideal in Culture*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 610 p.
22. Negley, G. *Utopian Literature. A Bibliography: With a Supplementary Listing of Works Influential in Utopian Thought*. Lawrence, Regents Press of Kansas, 1978. 351 p.

About the author

Kovtun, Natalia V. – DSc (Philology), Professor, Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: nkovtun@mail.ru